
А. В. ЛИТЯГИНА

ФАКТОРЫ, ВЛИЯВШИЕ НА МЕНТАЛЬНОСТЬ ГОРОЖАН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Анализируется общее и особенное в ментальности различных сословий Сибирского региона. На основе исторических источников (делопроизводственной документации, мемуарной литературы и т. д.) выявляются некоторые особенности ментальности населения Западно-Сибирского региона в досоветский период.

Ключевые слова: ментальность, горожане, сословная психология, Западная Сибирь, православие.

В 1990–2000-е годы историки активно включились в изучение особой социально-исторической реальности – ментальных качеств различных слоев населения в тот или иной период (Поршнева 2000; Лямин 2003; Бушмаков 2006; Кижаяева 2006; Андреева 2009 и др.). Ментальность включает в себя привычки, пристрастия, коллективные эмоциональные шаблоны, ценностные ориентации, но не исчерпывается ими, поскольку характеризует глубинный уровень коллективной и индивидуальной психики. Ценности осознаваемы, они выражают жизненные установки, самостоятельный выбор святынь. Ментальность же восходит к нерелефлексивным глубинам психики, захватывает бессознательное, устойчивые образы мира, эмоциональные предпочтения, свойственные какому-либо сообществу. Это понятие соединяет в себе аналитическое мышление, развитые формы сознания с полуосознанными культурными шифрами (Левит 1998).

Исследователи, занимающиеся изучением ментальности, берут наиболее приемлемое для себя определение данного понятия. При всей недостаточности методологических разработок эти характеристики все-таки освещают существенные стороны мироощущения и восприятия, предпочтений и стереотипов деятельности, поведения в конкретном социуме.

Кого следует считать носителем определенного типа ментальности: индивида, социальную группу или народ в целом? Нам близка позиция О. С. Поршневой (2000): менталитет индивида или социальной группы органически связан как с культурой народа, нации, к которой он принадлежит, так и с особенностями его конкретного бытия.

Российское общество до начала XX века осознавало себя как сословное. Учет населения во всей документации и публикациях велся по сословному принципу. Исследователи справедливо характеризуют сословия не просто как юридически отличные между собой группы, но и как специфические социальные образования (Иванова, Желтова 2004: 270).

В моей монографии (Литягина 2010) показано, что сословное деление общества вошло в психологию людей и укрепилось в ней вплоть до советского времени. Анализ различных документов выявил нередко бессознательную фиксацию сословного происхождения людей даже в текстах начала XX века. В полицейских отчетах, в церковных ведомостях повсеместно указывалось сословное происхождение благотворителей. В обращениях частных лиц, поступавших в думы, равно как в постановлениях городских властей, обязательно указывалось социальное происхождение автора. Это можно подтвердить почти любым протоколом заседания городских дум. Например, в 1913 году Барнаульская городская дума занималась выборами нового городского головы. В протоколе было записано: «Считать избранным... межевого инженера *статского советника* А. А. Лесневского» (ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 12. Л. 232). (Здесь и далее курсив мой. – А. Л.) В 1915 году той же думой рассматривался вопрос о передаче на новый срок в аренду участка на углу Пушкинской улицы и Соборного переулка: «Заявлением от 11 марта тот же участок просит отдать в аренду *барнаульский мещанин* В. В. Суслин...» (Скубневский 1999). По вопросам устройства и содержания в чистоте мостовых и улиц в переписке полиции, думы и губернатора (1915 год) также фигурировало сословное происхождение жителей: «Тобольскому полицмейстеру. Вследствие рапорта... о том, что *мещане* Залман Морский, Павел Кропоткин, Апполинария Комаровская и *купеческий сын* Андрей Григорьев отказались от устройства по улице против их усадебных мест мостовой... сообщаю... И. д. губернатор» (ГУТО «ГАТ». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1122. Л. 29).

О стойкости сословной психологии говорят и более поздние факты. Даже в 1920-е годы, уже при советской власти, в официальных документах могли содержаться указания относительно сословного происхождения. Подобные документы подтверждают, что горожане продолжали идентифицировать себя с определенным сословием. Городское общество во многом оставалось сословным, по крайней мере, на уровне ментальности.

Самым многочисленным городским сословием было мещанство. В. А. Скубневский и Ю. М. Гончаров (2003: 83–86), детально проанализировавшие динамику состава населения городов региона, показали, что в 1880-е годы наблюдался численный рост мещанского (43,7 %) и крестьянского (18,5 %) сословий при снижении доли других категорий: военных, духовенства, дворян, купцов и почетных граждан. Численность мещанства увеличивалась за счет того, что расширялся круг лиц, которые могли вступать в это сословие: государственные крестьяне, другие сельские обыватели, ряд категорий инородцев, купцов из крестьян, детей личных дворян, лишенных духовного сана, а также лиц, имевших право или обязанность избрать род жизни. В законе в 11 пунктах оговаривалось, кто относился к числу таких лиц: незаконнорожденные, подкидыши, не помнящие родства, дети канцелярских служащих, лекарских учеников и т. д. (СЗРИ 1899: Ст. 49, п. 562). Важным источником роста численности мещан в сибирских городах были также переселенцы из европейской части России. Региональной особенностью являлось то, что в местные мещанские общества записывались административные ссыльные, находившиеся под надзором полиции. По закону было возможно причисление к обществу без его согласия (Мыш 1896: 307).

В начале XX века сословный строй уже не играл значительной роли в общественной жизни. Однако данные о сословиях в эти годы по западносибирским городам также имеются. По городам Томской губернии нам удалось найти данные за 1908 год, Тобольской губернии – за 1913 год. Среди других групп по-прежнему преобладали мещане и крестьяне (соответственно 51,1 % и 29,6 % по Томской губернии и 41 % и 36 % по Тобольской) (Памятная... 1914: 306–307; ГУТО «ГАТ». Ф. 417. Оп. 1. Д. 267. Л. 43 об. – 44).

В развивающемся индустриальном обществе сословия как юридически закрепленные замкнутые социальные группы уже мешали нормальному функционированию экономики и общественно-политической системы. Поэтому государство не только не препят-

ствовало, но даже содействовало разрушению сословных перегородок. На первый план все более выступали вновь образующиеся классы и группы населения.

Так, многочисленное сословие мещан распадалось на ряд профессиональных групп, различных и по доходам, и по статусу, и по образу жизни. Низшая прослойка городских мещан принадлежала к малоимущей части населения. Вот, например, что писал современник о тобольских мещанах: «Коренные обыватели города мещане живут очень бедно, перебиваясь мелкой торговлей и доходами с квартир, которые хотя и дешевы, но поистине ужасны» (Павлов 1878: 37–38). По своему тяжелому имущественному положению к ним примыкали рабочие и мелкие чиновники: «В нижней части города... обитает бедность – рабочие и мелкие чиновники. Дома стоят на болоте и в это-то болото в редком доме не вырыто еще двухаршинной ямы для дешевой квартиры, от полтинника до трех рублей в месяц. Стены внутри погребов-квартир, где нередко обитают большие семейства, постоянно зелены от плесени, пол весной покрывается водой и во все лето не просыхает; сырость, насекомые всевозможных родов!» (Там же 1878: 38).

Среди мещан преобладали городские низы: ремесленники, мелкие торговцы, рабочие, прислуга, извозчики. Такие горожане вели во многом крестьянский образ жизни: имели огороды, держали скот. Даже в начале XX века значительная часть западно-сибирских горожан сохраняла эти сельскохозяйственные занятия: по улицам бродил скот, владельцы огородов торговали на рынке овощами.

В нашем распоряжении имеются мемуары П. Ф. Кочнева (2006). Это книга-исповедь человека, вышедшего из самой гущи простонародья западносибирского города Тюмени и общавшегося с самыми разными людьми, большинство из которых, впрочем, также представляли собой основную массу городского населения: низшие социальные сословия, мещанство и крестьянство, ремесленники, которые шили башмаки, рукавицы, изготавливали свечи, ткали ковры. Жители Тюмени торговали, держали скот и птицу, ставили сено, соблюдали посты, терпели пожары, крайне бедствовали, женились и выходили замуж, ходили друг к другу в гости, переживали приезд в город Великого князя, собирали в окрестном лесу грибы и ягоды, с малых лет участвовали в домашнем труде. Кочнев показывает старообрядческие семейные традиции (его мать была старообрядкой), стиль воспитания детей, повседневный

распорядок жизни, досуг. Психология мещан была схожа с крестьянской. Для подавляющей части населения этих сословий сохраняли значение такие ценности, как Бог, добро, милосердие, честь и долг, материальный достаток. Типичная черта крестьянской психологии – преклонение перед физической силой, восхищение силачами, поднимающими тяжести (об этом повествуют материалы устной истории по Бийску, собранные Б. Х. Кадиковым). Среди норм повседневной жизни – посещение церкви (для новообрядцев), соблюдение обрядности, трудовая деятельность, выполнение обязательств, общепринятых правил. Живучесть мещанских объединений, их активная работа вплоть до 1917 года свидетельствуют о ценности коллективизма, корпоративного строя жизни. Однако жизнь в городе приводила к выработке у мещан новых качеств, которых не было у крестьянства: индивидуализма, прагматизма, рациональности. Эти качества в большей мере были присущи тем из мещан, которые после 1898 года занимались широкой предпринимательской деятельностью, не переходя при этом в купеческое сословие.

Современники отмечали особенную, сибирскую черту у местного населения – предприимчивость. Так, Н. М. Ядринцев писал: «Непочатые богатства края, увлечение звероловством, соболевание, белкование, открытие руд и приисков, впоследствии торговля и промысловые предприятия, благодаря свободе пользоваться промыслами, развили этот дух предприимчивости» (Ядринцев 2003: 112). Подтверждением этому автор считает «много признаков хозяйственного самоустройства» (Там же: 133). В городах ходили слухи о смекалистых, расторопных людях, сумевших с выгодой вершить дела. Устная история донесла, например, интересный случай из предпринимательской практики семьи Воробьевых. Как рассказывала Н. Ларионова, потомок данной семьи, однажды зимой в Бийск на ярмарку съехалось множество торговцев из округи со своим товаром. Много было мясных туш, птицы, молочной продукции. И наступило невиданное потепление. Началась оттепель. Все таяло. Торговцы за бесценок отдавали мясо. Воробьевы все скупали, обливали водой и складывали под навес. Хозяин семейства говорил: «Или мы на этом выиграем, или все потеряем». И выиграли. Ночью ударил мороз, а потом все продукты удачно реализовали.

Анализ народного фольклора, воспоминаний современников показал, что для мещанства и крестьянства прибыль не являлась

ценностью (Литягина 2010: 70–72). В ментальности местного населения прослеживаются пренебрежение к наращиванию капиталов, отсутствие нацеленности на наживу и обогащение. Здесь уместно вспомнить высказывания русских философов, которые давно отметили эту черту народного характера. Вот, например, слова Н. А. Бердяева: «Душа русского народа никогда не поклонялась золотому тельцу и, верю, никогда ему не поклонится в последней глубине своей» (Бердяев 1998: 336–337). Отечественные мыслители единодушно отмечали приоритет духовных ценностей: «Русский человек больше золотой парчи придворного уважал лохмотья юродивого. Роскошь проникала в Россию, но как зараза от соседей. В ней извинялись, ей поддавались как пороку, всегда чувствуя ее незаконность, не только религиозную, но и нравственную и общественную» (Киреевский 1979: 286–287).

Однако ценность материального достатка и у мещан, и у крестьян была высока. Речь шла не о чрезмерном богатстве, а о безбедном образе жизни. Народные пословицы и поговорки свидетельствуют о значимости умеренного материального достатка: «Без денег проживу, без хлеба не проживу»; «В кошле густо, так и дома не пусто»; «Зачем к Варваре, как свое в кармане»; «Как сыр в масле катается»; «Каково в анбаре, таково и в кармане»; «Кто живет в добре, тот ходит в серебре»; «Не кланяюсь бабушке Варваре, свое есть в кармане»; «Нет в кармане, да есть в анбаре»; «О чем тому тужить, кому есть чем жить»; «Одна рука в меду, другая в патоке»; «От избытка и старец келью строит»; «Пригреть место, местечко. Сколотить, скопить денежку»; «Сколько душе угодно. Есть все, что угодно душеньке»; «Тем хорошо, другим хорошо, а не плохо и нам, коли полон карман»; «У кого колос, у того и голос»; «Хлеб да живот и без денег живет»; «Богат не буду, сыт буду»; «Дано добро – и нажить, и прожить»; «Хлеб с водою, да не пирог с лихвою». Много народных выражений посвящено ценности хлеба, еды, материального добра. Причем, как выявлено Е. А. Андреевой в диссертационном исследовании по ментальности западносибирских горожан, оценка нравственных качеств человека во многом зависела от того, добивался он благополучия честным трудом или путем легкой наживы (Андреева 2009: 74).

Еще одной значимой сословной группой было купечество. Как справедливо отмечает Ю. М. Гончаров (2002), оно оставалось достаточно специфической сословной группой, обладавшей собственной субкультурой, не спешило расставаться с сословными ценно-

стями и в этом отношении являлось, пожалуй, самым консервативным из городских сословий русского общества. В процентном отношении удельный вес купцов был невелик, однако их роль в общественной и культурной жизни городов была очень заметна. Именно купцы были «верхушкой» местного общества, на которую равнялись другие горожане, неформально признававшие их лидерство в городской жизни. Отношение горожан к богачам-предпринимателям зависело от особенностей их коммерческой деятельности и личностных качеств. В. А. Скубневский (1995) на примере барнаульского купечества констатирует неоднородность этой группы как по роду коммерческой деятельности, так и по менталитету, духовному миру, образовательному, культурному уровню.

Принципиальным отличием ценностных ориентаций купцов от прочих сословных групп было наличие главной цели в их деятельности, определявшей все остальные приоритеты и нормы жизни, – прибыль. Однако культурный уровень представителей этого сословия был различным, и он определял либо наличие порядочности, честности в коммерческих делах, в отношениях с населением, либо отсутствие таковой. Среди западносибирских купцов были люди разного склада и понимания жизни (Литягина 2010).

Чиновничество выделялось особой корпоративностью, регламентируемой законами о государственной службе. Существовала в этой среде своя специфическая этика. Ее основные принципы основывались на внутренних потребностях чиновников и проявлялись в характере и результатах внешней деятельности, позволяя вышестоящим лицам осуществлять постоянный контроль над поведением всех членов иерархизированной социальной группы. Благодаря этому, как указывает Т. А. Фролова (2006), складывался определенный стиль жизни на всех уровнях. Признаками внутреннего единства данной социальной группы выступали четкая социальная дифференциация в среде бюрократии, разграничение функций, строгая иерархия и корпоративная психология. Исследователи указывают на замкнутость чиновничьего сословия, наличие крепких внутренних связей, наследственность профессии (Козельчук 2002: 28). Чрезвычайно было развито чиновничество. Многие из представителей низших чинов чувствовали себя подчиненными, даже гуляя в саду или находясь в театре (Ряснянская 2001). Такое поведение, ведущее порой к унижительным курьезам, описано в произведениях А. П. Чехова, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, Ф. М. Достоевского. Ради своей великой ценности – госслужбы

и продвижения по служебной лестнице – чиновники действовали по принципу грибоедовских героев: «Когда же надо подслужиться, сгибаться можно в перегиб... а тем, кто выше, лезть, как кружево, плести...» (Рогачевская 1995: 232–233). Это вело к утрате самостоятельного мышления и действия, что было заметно общественности и вызывало критику. Высшей ценностью для этого слоя действительно была государственная служба. Именно продвижение по служебной лестнице позволяло надеяться на материальный достаток. Мизерная оплата труда низшего чиновничества способствовала и такому порочному служебному поведению, как чиновничество, взяток, и поборам с населения.

Итак, различия в ментальности отдельных сословий были связаны с конкретным видом жизнедеятельности человека, с той средой, в которой вращались представители сословий. Но в психологии всех социальных групп было и нечто общее. Нельзя отбрасывать влияние жизни в Сибири, уникальном по своим природно-климатическим, географическим, геополитическим и историческим особенностям регионе. Об этом писали дореволюционные авторы, настаивая на наличии особых черт в характере сибиряков, отличавших их от жителей Европейской России. Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, а также многие путешественники отмечали наиболее выразительные типические черты сибирских жителей. Как выяснила О. А. Тяпкина (2010), это подтверждают гораздо более поздние исследования советских ученых. В частности, речь идет о таких особенностях, как настойчивость в выполнении поставленных задач, осмотрительность в решениях, отсутствие поспешности в действиях, но без следов вялости, хорошая ориентировка в обстановке, ровное настроение без склонности к повышенной чувствительности.

Общим было и то, что объединяло всех жителей России: преобладание в составе населения западносибирских городов православных. За весь рассматриваемый период число исповедовавших официальную религию Российской империи возрастало и абсолютно, и относительно. В 1912–1913 годах национально-конфессиональный состав в городах Западной Сибири по сравнению с серединой XIX столетия принципиально не изменился. Удельный вес православных вместе со старообрядцами повысился во всех городах Тобольской губернии (кроме Тары) до 95 % (ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 267. Л. 45 об. – 46). В городах Томской губернии православные составляли 90 % (Обзор... 1914: 6). Из конфессиональных

меньшинств на первом месте по удельному весу находились мусульмане, на втором – католики, на третьем – иудеи. По некоторым городам (Томск, Каинск, Мариинск) конфессиональная картина несколько отличалась. Например, в Томске православных насчитывалось 88,8 %, иудеев – 3,4, мусульман – 3,2, католиков – 2,4 % (Алисов 2006: 172). В Мариинске удельный вес евреев (не иудеев, а именно евреев, согласно источнику) составлял 34 %, в Каинске – 25 % (Скубневский, Гончаров 2003). Соответственно и русских, а значит, православных здесь было значительно меньше: в Мариинске – 61 %, в Каинске – 71 %. Но для Западной Сибири это было исключением. В Омске на 1000 жителей русских вместе с украинцами приходилось 845,6 человек (Население... 1997: 153). Большинство в западносибирских городах составляло русское, православное население, оно являлось духовным и культурным ядром социума. При этом православные общались с лицами иных конфессий и национальностей, происходили обогащение, обмен духовным и социокультурным опытом.

В городах во многом сохранялись основы народной культуры и традиций: уважительное отношение к старшим и забота о стариках, детях, беспомощных родственниках; милосердие в самых разных его проявлениях, помощь и взаимопомощь; трудолюбие, совестливое отношение к труду; понятие чести и долга; твердость в выполнении взятых на себя обязательств и многое другое. Исследователи крестьянского быта прошлой эпохи пришли к выводу, что все было связано между собой в единой, цельной системе нравственных понятий (Симченко, Тишков 1999: 654). Цельность народной нравственности определялась православной верой. К ней восходили прямо или косвенно все оценки и утверждения в этой области. Понятия передавались из поколения в поколение. Но кроме того, они заново укреплялись в каждом поколении за счет восприятия основ христианства. Нравственные поучения постоянно звучали в церковных проповедях, наставлениях родителей, разъяснялись учителем, обучавшим грамоте по Псалтыри.

Для подавляющего большинства населения было характерным милосердие. Возникая нередко как непосредственное движение души, готовность из чувства жалости и сострадания подать милостыню прививалась с раннего детства: подача милостыни нуждающимся, ссыльным, бродягам и т. п. считалась богоугодным делом (Лухманова 1997). В воспоминаниях современника говорится и о таком обычае: «По воскресеньям мать обязательно подавала

милостыню нищим – по куску хлеба, несмотря на свою бедность» (Кочнев 2006: 37). Тот же мемуарист рассказывает: «...После похорон я оказался с народом и нищими во дворе, хотел было уже бежать домой, но оказалось, что ворота заперли и выйти из двора нельзя. Вскоре вышли два человека, у каждого было по мешку медных денег, отворили ворота и стали выпускать народ по одному, причем каждому подавали милостыню – по одной, по две, по три и по пять копеек. Когда я выходил, то и мне сунули в руку две копейки. Я пустился бежать домой. Когда я показал матери 2 копейки, она меня заругала со словами: “Зачем же ты взял, ведь это милостыня, и за это надо молиться Богу, а ты еще и молиться-то не умеешь”» (Там же 2006: 114).

Принадлежность к определенному сословию накладывала отпечаток на образ мысли и поведение человека. Мещанство, будучи самым массовым городским сословием, являлось основой формирования всей городской культуры и ее носителя – городского обывателя. В рассматриваемую эпоху оно во многом сохраняло черты крестьянской психологии, но наряду с этим приобретало возрастающие рационализм и прагматизм. И хотя заметно пренебрежение к постоянному обогащению как к главной цели в жизни, ценность материального достатка была важна для всех слоев населения. Купечество главной целью своей деятельности считало наращивание прибыли, и это выделяло данное сословие среди прочих. Особняком стояло чиновничество со своим специфическим, корпоративным поведением, определяемым главным стержнем его жизни – государственной службой. Общим для всех сословий было влияние на ментальность сибирских условий жизнедеятельности, а также православной культуры.

Литература

Алисов, Д. А. 2006. *Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.)*. Омск: Изд-во ОмГПУ.

Андреева, Е. А. 2009. *Ментальность городского населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.*: дис. ... канд. ист. наук. Томск.

Бердяев, Н. А. 1998. *Судьба России*. М.: Эксмо-Пресс.

Бушмаков, А. В. 2006. *Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь.

Гончаров, Ю. М. 2002. «Хозяин жизни»: купечество как тип мужественности. В: Ушакин, С. (сост.), *О муже(Н)ственности*: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение.

Иванова, Н. А., Желтова, В. П. 2004. *Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века*. М.: Наука.

Ильин, И. А. 1992. *Наши задачи*: в 2 т. Т. 2. М.: МП «Рарог».

Кижасева, Т. А. 2006. *Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Киреевский, И. В. 1979. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. В: Киреевский, И. В., *Критика и эстетика*. М.: Искусство, с. 248–293.

Козельчук, Т. В. 2002. *Чиновничество Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX века*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган.

Кочнев, П. Ф. 2006. *Жизнь на большой реке: записки сибирского приказчика*. Новосибирск: ИД «Сова».

Левит, С. Я. (гл. ред.). 1998. *Культурология. XX век. Энциклопедия*: в 2 т. Т. 2. СПб.: Университетская книга.

Литягина, А. В. 2010. *Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.* Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.

Лухманова, Н. А. 1997. *Очерки из жизни в Сибири: Избранные произведения*. Тюмень: Софт Дизайн.

Лямин, С. К. 2003. *Менталитет населения предындустриального города 1860–1870-х гг. (по материалам Тамбова)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов.

Мыш, М. И. 1896. *О мещанских и ремесленных управлениях*. СПб.: б. и.

Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997.

Обзор Томской губернии за 1912 г. Томск: Тип. губерн. управления, 1914.

Павлов, А. 1878. *3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби*. Тюмень.

Памятная книжка Томской губернии на 1914 г. Томск: Тип. губерн. управления, 1914.

Поршнева, О. С. 2000. *Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.)*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.

Рогачевская, Е. (сост.). 1995. *От русского классицизма к реализму: Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов.* М.: Школа-Пресс.

Ряснянская, Н. 2001. Жизнь и быт российского чиновничества в XVIII–XX вв. *Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения в XVIII–XIX вв.*: материалы межрегионального научного семинара. Ставрополь: Изд-во СГУ, с. 207–211.

Сергеев, А. В. 2007. *Менталитет российского провинциального общества на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Вятской губернии)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.

Симченко, Ю. Б., Тишков, В. А. (ред.). 1999. *Русские.* М.: Наука.

Собрание законов Российской империи (СЗРИ). Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1899.

Скубневский, В. А.

1995. Заметки о духовном мире барнаульского купечества. *Образование и социальное развитие региона 2*: 113–119.

1999. *Барнаульская городская дума. 1877–1996.* Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края.

Скубневский, В. А., Гончаров, Ю. М. 2003. *Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. I. Население. Экономика.* Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.

Тяпкина, О. А. 2010. Некоторые аспекты сибирской ментальности второй половины XIX – начала XX веков. *Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.* Вып. 3. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, с. 143–153.

Фролова, Т. А. 2006. *Социокультурный облик чиновничества Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.*: дис. ... канд. ист. наук. Омск.

Ядринцев, Н. М. 2003. *Сибирь как колония.* Новосибирск: Сибирский хронограф.

Архивы:

ГААК – Государственный архив Алтайского края.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

ГУТО ГАТ – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».